PROJECT MUSE®

Царь И Народ: Популистский
Национализм Императора Николая
II

Сергей Подболотов

Ab Imperio, 3/2003, pp. 199-223 (Article)

Published by Ab Imperio

➔ For additional information about this article

<https://muse.jhu.edu/article/559890/summary>

Сергей ПОДБОЛОТОВ

**ЦАРЬ И НАРОД:
ПОПУЛИСТСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II**

Николай II не оставил политического манифеста, где бы он сформулировал свои взгляды. Его дневник является, несомненно, ценнейшим источником для всякого собирающего материал о состоянии погоды в местах пребывания царя с 1882 по 1918 год, но изучающего политическую историю здесь ждёт разочарование. Ведь привычка вести дневник была для пунктуального и бесхитростного царя вопросом самодисциплины, а не размышления о судьбах России. Вместе с тем период его правления был отмечен удивительным непостоянством политической линии, колебаниями и противоречивыми ходами власти не только в незначительных, но и в самых фундаментальных вопросах. Так, в ключевом аспекте болезненной аграрной проблемы – отношении к крестьянской общине, Николай II колебался от поддержки общины, как проверенного временем истинно русского крестьянского очага лояльности своему царю, до столыпинского курса на разрушение общинного землевладения, как экономически неэффективного “табунного ковыряния земли”. Не случайно фигура последнего самодержца представлялась загадочной как для его современников, так и, впоследствии, для историков, во всяком случае, тех, которые не стремились априорно отмахнуться от управлявшей великой модернизирующейся империей

“никчёмной посредственности”, свободно владевшей, кстати, всеми основными европейскими языками.¹ Княгиня Святополк-Мирская, чей супруг занимал при Николае II ключевую пост министра внутренних дел, растерянно заключала: “Он – совершеннейший сфинкс. Те, кто знают его лучше всего, признают, что невозможно понять его, умный он или глупый, добрый он или злой.”² Возможно, хорошую политическую биографию Николая II ещё только предстоит написать.

Не преследуя, разумеется, такой амбициозной цели, эта статья освещает одну из важнейших черт политического портрета последнего русского императора – характер национализма³ Николая II, его отношение к русскому крестьянству, на что редко обращали внимание, и без чего невозможно объяснить и понять многие шаги верховной власти.

На рубеже XIX-XX веков национализм “вital в воздухе” и по всей Европе, и в России. Удивительная мобилизующая политическая сила национализма, притягательность национальных чувств уже вполне успели себя повсеместно обнаружить, и, дабы не отстать от времени, монархи европейских стран с той или иной долей успеха, употребляя модное выражение, позиционировали себя в качестве национальных символов, защитников и выразителей национальных интересов.⁴ В Российскую империю национализм, изначально западноевропейский феномен, пришёл как разрушительная сила. Дело даже не в том, что движения национальных меньшинств угрожали имперскому единству, – пока ядро империи сохраняло лояльность трону, они были обречены

---

¹ Лучшая, пожалуй, политическая биография Николая II (D. Lieven. Nicholas II: Emperor of All the Russias. London, 1993), к сожалению, до сих пор не переведена на русский язык.

² Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. // Исторические Записки. Т. 77. М., 1965. С. 271

³ Термин “национализм”, к чему, очевидно, давно привыкли читатели *Ab Imperio*, здесь употребляется без характерной для русского и немецкого языков негативной окраски, в нейтральном, свойственном английскому языку, смысле, обозначая национальное мировоззрение. Подробное определение см.: N. Elias. Ein Exkurs über Nationalismus // Norbert Elias, Michael Schröter (Hrsg.). Studien über die Deutschen. Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt a.M., 1989. S. 161-222.

⁴ Benedict Anderson. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York, 1983. См. также хорошо известное сравнительное исследование: H. Seton-Watson. Nations and States. An Enquiry into the Origins and the Politics of Nationalism. Boulder, 1977.

на поражение и в крушении монархии не сыграли серьёзной роли. Однако эти национализмы, прежде всего польский, пробуждали русский национализм, который бросал (даже если возникал, как в случае с крайними правыми, из самых “благонамеренных побуждений”) вызов традиционному самодержавию и наднациональной сословной империи. Это была серьёзная угроза – судьба империи зависела, прежде всего, от русских. Национализм по определению предполагал некое политическое участие общества, общенациональные гражданские институты, то есть то, чего классическое самодержавие боялось как огня. Для русского самодержца, каковым считал себя Николай II, сплотить вокруг трона образованное общество привлекательной национальной идеей было нелегко. Режим не мог похвастаться ни свободой своих подданных, ни их благосостоянием (во всяком случае – подавляющего большинства), ни равенством их перед законом и защищённостью от бюрократического произвола, то есть теми ценностями, которые составляли общественный идеал. Со второй половины XIX века империя к тому же терпела тяжёлые военные и дипломатические неудачи, подрывавшие её престиж. Царь, однако, всё более и более, особенно с наступлением 1905 года, нуждался в социальной поддержке, и поэтому пытался, отчасти сознательно, отчасти интуитивно, найти выход в особых, отличных от европейских, специфически русских ценностях, которые, как ему казалось, выражает русское крестьянство. Здесь уместно вспомнить недавнее исследование Ричарда Уортмана, пришедшего к выводу, что с приходом к власти отца последнего Государя императора Александра III, которому сын стремился во всём подражать, произошёл перелом мифа о власти. Александр III отверг доминирующий со времён Петра Великого образ императора как богоподобного носителя западных культурных ценностей и обосновал свою консервативную политику религиозным националистическим мифом.⁵ Во всяком случае очевидно, что в противовес рационализму и основанному на законности бюрократическому правлению идеал мужицкого царя-батюшки допетровской Руси получил тогда новый импульс.⁶

---

⁵ R. Wortman. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in the Russian Monarchy*. Vol. 2. Princeton, 2000.

⁶ О допетровском и имперском образах царской власти см.: М. Cherniavsky. *Tsar and People*. *Studies in Russian Myths*. N. Y., 1969. Chapters 2-3; A. Verner. *The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution*. Princeton, 1990. Chapter 3.

Идея о том, что именно крестьянство, “народ” выражает и хранит подлинную русскость, уходила корнями в XVIII век.⁷ В XIX столетии под влиянием идей европейского Просвещения и романтизма русская интеллигенция вновь и вновь открывала для себя родные национальные корни в крестьянстве, увлекаясь популизмом разного рода. Славяно-филы придали “русской идее” сильное антибюрократическое, а также антизападное содержание, критикуя образованное общество, воспринявшее европейскую рационалистическую цивилизацию и порвавшее со своим народом.⁸ Вряд ли эти идеалисты-романтики, вечно гонимые цензурой за свои “только по видимости благонамеренные статьи”,⁹ могли вообразить, что последний царь, правнук их притеснителя Николая I, сам во многом воспримет их взгляды, будет страдать от “бюрократического средостения”, отделившего его от народа, и испытывать неприязнь к безродной атеистической интеллигенции.

От образованной общественности Николай II отделяла растущая стена отчуждения. К началу XX века этот антагонизм обострился до предела. К тому же при последнем царе холод взаимного недоверия возник не только в отношениях с демократическими, но и с самыми верхними слоями общества. Генерал Н. А. Епанчин был поражен, когда на обеде у графа А. Д. Шереметева (куда люди “с улицы” не приглашались), проходившем в день рождения Государя, 6 мая 1906 г., хозяин пытался произнести тост за здоровье Его Величества, но не смог этого сделать, ибо гости стали демонстративно громко переговариваться, желая заглушить голос хозяина.¹⁰ Сам великий князь Кирилл Владимирович в дни Февральской революции привёл Гвардейский экипаж к Таврическому дворцу... Автор известной книги о Николае II и Александре Фёдоровне, высокопоставленный чиновник В. И. Гурко, заметил тенденцию мгновенного обретения общественной популярности теми, кто оказывался в опале у Николая II.¹¹ Газета “Русь”, первой в

---

⁷ Н. Rogger. *National Consciousness in Eighteenth Century Russia*. Harvard, 1960. Pp. 131-135; L. Greenfeld. *Nationalism. Five Roads to Modernity*. Harvard, 1995. Pp. 258-260.

⁸ См.: А. Walicki. *The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth Century Russian Thought*. Oxford, 1975.

⁹ N. V. Riasanovsky. *Nicholas I and Official Nationality*. Berkeley, 1959. Pp. 225-227.

¹⁰ Генерал от инфантерии Н. А. Епанчин. На службе трёх императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 273.

¹¹ В. И. Гурко. Царь и царица. Париж, 1927. С. 25.

истории русской легальной печати осмелившаяся пером А. А. Суворина сделать выпад в адрес самодержца после падения Порт-Артура, была за эту дерзость оштрафована, но с лихвой окупила издержки, так как популярность газеты мгновенно возросла.¹²

Отношения императора с бюрократией тоже складывались непросто. Уже к 1900 году стали широко заметны подозрительность и недоверие царя к чиновникам.¹³ Николай II жаловался, как сложно ему находить подходящих кандидатов на освобождающиеся вакансии,¹⁴ а в 1905 году и вовсе признался: “Ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова.”¹⁵ Одобренная Николаем II популистская пропаганда подчёркивала, что “тяжёлую работу Свою за государственными делами Государь ведёт почти всю целиком наедине” (выделено в оригинале – С.П.).¹⁶ В отстранении царя от бюрократов-помощников очевидно виделась неизбежность самодержавного правления и преодоление “средостения” между царём и народом: “В громадном большинстве случаев Государь работает Сам, от начала до конца, над каждым делом, и при этом не только над его изучением, но и над составлением сути ответа.”¹⁷ Поразительно, но властитель громадной страны и в самом деле не имел даже личного секретаря, собственноручно клеивал конверты, отвечал на многочисленные поздравления и соболезнования, делал распоряжения мелкого свойства, рассматривал личные прошения.¹⁸

В период модернизации империи бюрократический мир стремительно рос и усложнялся. По сравнению с началом предыдущего столетия к началу XX века количество чиновников выросло в 7 раз, составив армию численностью в 385 тысяч.¹⁹ Громоздкая бюрокра-

¹² А. В. Лихоманов. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905-1907 годах. СПб., 1997. С. 23.

¹³ D. Lieven. P. 106.

¹⁴ Генерал А. А. Мосолов. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 42, 181.

¹⁵ Письмо Николая II Марии Фёдоровне от 19 октября 1905 г. // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 168.

¹⁶ А. Ельчанинов, Е. Богданович. Царствование Государя Императора Николая Александровича. Очерк для рабочих. СПб., 1913. С. 12-13.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ См.: D. Lieven. P. 117; A. Verner. Pp. 46-47, 67.

¹⁹ П. А. Зайончковский. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 221; Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Ред. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях. СПб., 1996. С. 406.

тическая система страдала отсутствием слаженности и координации действий, при этом самодержавный царь ревностно следил, чтобы каждая отрасль управления подчинялась непосредственно ему, в ущерб координирующим функциям правительства. Николай II, будучи никудышным стратегом и неискушённым практиком-администратором, имел серьёзные основания чувствовать, что он теряет контроль за бюрократическим аппаратом. К тому же усложнившиеся функции управления требовали специальных знаний в каждой отдельной отрасли. Царю приходилось теперь более полагаться на профессионалов, а не указывать им.

Подозрительность Николая II к бюрократии распространялась и на самый верхний эшелон власти – правительство. Даже один из наиболее близких царю военный министр А. Н. Куропаткин, автор пространного националистического опуса применительно к военному делу,²⁰ отметил в своём дневнике, что царь имел “принципиальное недоверие к министрам”.²¹ В откровенном разговоре с Куропаткиным о его дальнейшей карьере, когда тот предположил, “что доверие ко мне государя только возрастёт, когда я перестану быть министром”, Николай II остановил собеседника и сказал: “Знаете, ведь как то ни странно, а это, быть может, психологически верно”.²² Как свидетельствовал премьер-министр В. Н. Коковцов, в ближайшем кругу Николая II считалось, что “правительство составляет какое-то ‘средостение’”.²³

Зато настоящую приверженность Николай II несомненно ощущал по отношению к русскому православному крестьянству, включая, соответственно, украинское и белорусское, считая себя в патриархальном

---

²⁰ А. Н. Куропаткин. Россия для русских. Задачи русской армии. В 3-х томах. СПб., 1910. Критическую рецензию на это издание с либеральной стороны см.: Л. Слонимский. Национальная программа А. Н. Куропаткина. // Вестник Европы. 1910. № 12. С. 304-319.

²¹ Дневник А. Н. Куропаткина от 4 августа 1903 г. // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 49.

²² Там же.

²³ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911-1919. М., 1991. С. 215; Генерал А. А. Киреев даже отметил в дневнике высказывание царя о том, “что он сам будет своим министром иностранных дел”. Видимо, Николай II раздумывал о возможности вовсе обойтись без главы МИДа в управлении иностранной политикой. “Николай Павлович был сам своим военным министром, и пришли без оружия в Севастополь”, – критически отозвался об этой идее генерал. (Российская Государственная Библиотека. Отдел Рукописей. (Далее – РГБ ОР). Ф. 126. Д. 13. Дневник А. А. Киреева. 1900-1904. Л. 56).

духе его покровителем и защитником, словом, “царём-батюшкой”. “Добрых крестьян” с любовью описывает в своих письмах царь,²⁴ в отличие от интеллигентных “скверных людей”. Мечта стать “народным” царём посетила сына Александра III ещё в детстве. Чарльз Хиз, наставник маленького Николая, рассказывал, как они читали вместе книгу по английской истории, где описывался въезд короля, любившего простонародье, при этом толпа восторженно кричала: “Да здравствует король народа”. “Глаза у мальчика так заблестали, он весь покраснел от волнения и воскликнул: ‘Ах, вот я хотел бы быть таким’.”²⁵ С юношеских лет восторг народа при встречах с царём поражал его. В своём ученическом сочинении наследник писал: “Успенский собор. Боже мой! Какая величественная и трогательная картина!!! Тысячи и тысячи голов обнажённых. Когда Папа и Мама вышли из дверей, и когда Папа поклонился народу, то раздалось такое оглушительное “ура”, что я вздрогнул...”²⁶ “Ничто так не укрепляет душу, как близость к народу и войскам”, – обращался позднее Николай II к своему близкому советнику В. П. Мещерскому.²⁷

Важную роль играли, конечно, религиозные убеждения Государя. В силу своих религиозных взглядов Николай II считал русское крестьянство хранителем православия, употребляя известное выражение – “народом-богоносцем”. О. Георгий Флоровский объяснил это распространённое тогда убеждение тем, что поскольку верхи общества отличались неверием и вольнодумством, то считалось, что благочестие, ещё начиная с петровских времён, ушло “вниз”. Православная вера, часто в суеверно-бытовой форме, хранилась, как полагали, неграмотным крестьянством; многим поэтому стало казаться, что “вновь войти в Церковь” можно только через “слияние с народом”.²⁸

---

²⁴ См.: M. Steinberg, V. Khrustalev. *The Fall of the Romanovs: Political Dreams and Personal Struggles in a Time of Revolution*. New Haven-London, 1995. P. 18.

²⁵ Флигель-адъютант А. Мордвинов. Воспоминания. В кн.: *Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных*. М., 1999. С. 62.

²⁶ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 167. Ученические тетради Великого Князя Николая Александровича (сочинения). Лл. 27-27 об.

²⁷ Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В. П. Мещерского. Письмо Николая II В. П. Мещерскому от 14 мая 1904 г.

²⁸ См.: С. Л. Фирсов. *Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России*. СПб., 1996. С.121-122.

Хорошо известно, что император не допускал сомнений, что именно народ является его надёжнейшей политической опорой. Только враждебные царю высшие классы да интеллигенция, “скверные люди”, выражаясь языком Николая II, потерявшие русскость и оторвавшиеся от народа, хотели свобод и конституции, а не народ, – считал царь.²⁹ Даже во время первой революции Николай II выражал уверенность, что противниками самодержавия являются представители “всего так называемого образованного элемента, пролетариев, третьего сословия”, однако, был убеждён царь, “80 процентов русского народа будут со мною”.³⁰

В концентрированном виде политические воззрения Николая II были продемонстрированы на приёме императором 3 апреля 1905 года правого активиста приват-доцента Б. В. Никольского, одного из тех, кто наиболее внятно формулировал политическую платформу крайних правых. Все развитие перед царём положения о том, что Россия и самодержавие есть одно, что народ предан царю безгранично, что интеллигенция чужда народу и России, что бюрократия представляет из себя средостение между царём и народом, что уникальность русской истории заключается в единстве народа и царя, вызвали согласие и сочувствие Николая II. “Какой умный, даровитый, образованный, красноречивый, а главное – убеждённый молодой человек”, – подчеркнул с овладевшим им чувством глубокого удовлетворения после встречи с Никольским царь.³¹

Однако настоящей находкой, помогающей определить политическую доктрину скрытного, сдержанного, деликатного, избегавшего по возможности политических дебатов, чуждого “публичной политики” и принимавшего крайне противоречивые решения императора, является его переписка с редактором крайне правого журнала “Гражданин” кн. В. П. Мещерским. Последний пользовался, по определению С. Ю. Витте, “преобладающим и подавляющим влиянием на его величество.”³²

---

²⁹ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. С. 258-259.

³⁰ Протоколы секретного совещания в апреле 1906 года под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. Т. 4 (26). С. 204.

³¹ Николай II. Воспоминания. Дневники / Сост. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. СПб., 1994. С. 74-75.

³² С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3 (Царствование Николая II). Таллинн-М., 1994. С. 112; См. также: Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 31, 38. О В. П. Мещерском см.: W. E. Mosse. Imperial Favourite V. P. Meshchersky and “Grazhdanin” // Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. No. 4.

Периоды, как писал Мещерскому царь, “нашего тайного союза”³³ (который, впрочем, мало для кого являлся тайной), перемежались годами более прохладных отношений, но влияние В. П. Мещерского на царя было несомненным, особенно с конца 1890-х до 1903 года, когда В. П. Мещерского оттёрла враждебная ему компания дальневосточных империалистов во главе с А. М. Безобразовым, и после 1909 г., вплоть до смерти Мещерского в 1914 г. А. Н. Куропаткин упоминает в своём дневнике за 29 ноября 1902 г. Мещерского как первого среди “советников” Николая II.³⁴ Статьи Мещерского, по мнению министра юстиции И. Г. Щегловитова, длительное время знавшего самодержца, надоели Николаю II попытаться урезать права Думы в 1913 году.³⁵ Начальник канцелярии министра двора генерал А. А. Мосолов тоже свидетельствовал: “За время своей службы при дворе я не помню ни одного случая, когда бы Мещерский не добился от государя испрашиваемой им для кого-нибудь милости. Он писал непосредственно Его Величеству, и у меня перебивало в руках немало писем, писанных убийственным почерком князя с неизменной резолюцией императора: “Исполнить.””³⁶ Николай II предлагал Мещерскому пост министра просвещения, но хитрый князь предпочёл неофициальную должность советчика со стороны. “Самым умным поступком за всю его жизнь” В. С. Франк назвал ранний выход Мещерского в отставку с бюрократической службы, что позволило ему сохранять дружеские отношения с императором.³⁷

В начале своего царствования Николай II относился к князю скорее враждебно из-за его скандальной репутации гомосексуалиста и “старого развратника”,³⁸ плетущего разные грязные интриги в интересах своих молодых фаворитов. В. П. Мещерский, однако, обладал удивительным умением (если, опять же, использовать фразу Витте) “влезть в душу”,³⁹ и вскоре между ним и царём завязались самые

---

³³ Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В. П. Мещерского. Письмо Николая II В. П. Мещерскому от 16 июня 1902 г.

³⁴ Дневник А. Н. Куропаткина. С. 11.

³⁵ Падение царского режима. Т. 2. М.-Пг., 1925. С. 435, 438.

³⁶ Генерал А. А. Мосолов. При дворе последнего императора. С. 186.

³⁷ Из неизвестной переписки императора Александра III и Николая II с князем В. П. Мещерским. Вступительная статья В. С. Франка // Современные записки. 1940. № 70. С. 166.

³⁸ С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3. С. 551.

³⁹ Там же. С. 550.

дружеские отношения. “Вы своим чутьём разглядели мою душу,” – писал Мещерскому Николай II.⁴⁰ В. П. Мещерский намеренно печатал в “Гражданине” то, что нравилось царю, соответствовало его убеждениям. Публика справедливо, как писал В. Н. Коковцов, придавала статьям “Гражданина” “значение как бы отголоска взглядов самого государя”.⁴¹

Переписка Николая II с Мещерским в сопоставлении с публикациями “Гражданина” действительно даёт возможность установить подлинные взгляды царя. Письма Николая II выдержаны в самом дружеском тоне, он обращается к своему корреспонденту на ты, чего деликатный самодержец почти никогда себе не позволял, называет князя “любезный друг”, уверяет его, что “наша дружба крепка и нерушима”, а “наше общение не есть случайное”. Николай II не только спрашивал советов о том, “что значит быть самодержавным”, но и, что особенно ценно для историка, делал откровенные комментарии статей “Гражданина”, восторгаясь “утешительными совпадениями” мыслей Мещерского со своими.⁴²

В письме редактору “Гражданина” 3 марта 1913 г. царь писал: “С большим удовольствием прочёл вашу прекрасную из сердца вылившуюся статью ‘Великий и священный день’. **Она символ веры – собственно говоря – всякого честно мыслящего русского!**”⁴³ (выделено мной – С.П.). Статья была написана к трёхсотлетию дома Романовых. “Великий и священный день” означал день избрания на царствование Михаила Романова, что Мещерский называл “величайшим чудом”, более того, “самим Божоявлением.”⁴⁴ Божественный промысел стоял в основе романовской династии, и она вступила в борьбу с силами зла

---

⁴⁰ Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В. П. Мещерского. Письмо Николая II В. П. Мещерскому от 22 апреля 1902 г.

⁴¹ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. С. 307.

⁴² Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В. П. Мещерского. Письма Николая II В. П. Мещерскому от 6 и 13 марта 1902 г. Интересно, что в ноябре 1913 г., в период нового пика влияния Мещерского, премьер-министр В. Н. Коковцов имел разговор с царём относительно статей в “Гражданине”, призывавших уволить Коковцова, как “думского угодника”, и вообще бросить заморскую затею кабинета министров и вернуться к управлению страной через министра внутренних дел. Государь ответил своему премьеру, что влияния на него “Гражданина” “совсем нет”. (В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. С. 307.) Очевидно, он лукавил. Через два месяца Коковцов был отправлен в отставку, а значение поста премьер-министра снизилось ещё более.

⁴³ Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В. П. Мещерского.

⁴⁴ Великий и священный день // Гражданин. 21 февраля 1913. С. 12.

сразу же. Только избрание царём Михаила не дало этим силам зла “воспользоваться безвластьем и продать Россию и её Престол и её Церковь исконным её врагам”.⁴⁵ Не ясно, имел ли здесь в виду Мещерский конкретных врагов – поляков, или, что скорее всего, силы зла мирового, но тема врагов являлась рефреном “символа веры честно мыслящего русского”. Царям, писал Мещерский, приходилось воевать с врагами внешними, но главный пафос он уделил разоблачению врагов внутренних, причём, судя по употреблению настоящего времени, речь шла о веке нынешнем, а не минувшем. Самодержавие идентифицировалось Мещерским с Россией, что явствует из утверждения “когда Царь не будет силён, Россия умрёт”. Её же враги “из нечистых побуждений” собственного эгоизма “в ослеплении мечтают, что России будет лучше от разрозненного многовластия над нею”.⁴⁶ Эти враги, руководствовавшиеся “интересами властолюбия и популярности”, судя по аргументам Мещерского, находились в непосредственной близости к царю, ибо, когда автор наблюдал подобных в особом множестве во время польского мятежа 1863 г., они имели возможность давать царю советы “пожертвовать интересами и достоинством России и ввести автономию в Царстве Польском, распространяющуюся на весь Северо-Западный русский край”. Только стойкость царя и крутые меры спасли положение.⁴⁷ Мещерский настаивал, что эти враги полностью оторвались от народа. Народ же всегда “чуял” любовь к себе царя, который “больше всех любит Россию и больше всех печалится её печалям”,⁴⁸ и отвечал царю ответной любовью. В качестве примера этой взаимной любви Мещерский привёл отмену крепостного права, которая, благодаря царю, была “с землёй” и “совершилась в тишине и мире порядка”,⁴⁹ последнее утверждение, строго говоря, исторической действительности не соответствует.

Популистская тема ещё отчётливей звучала в “Дневниках”, традиционной рубрике “Гражданина”, которую вёл лично Мещерский, и содержанием которой в выпуске от 18 мая 1913 г. Николай II остался “очень доволен”.⁵⁰ Дневники описывали путешествие царя по рус-

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 13.

⁴⁹ Там же. С. 12-13.

⁵⁰ Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В. П. Мещерского. Письмо Николая II В. П. Мещерскому от 29 мая 1913 г.

ской земле в связи с празднованием трёхсотлетнего юбилея династии. По впечатлениям князя, во время поездки чувства простонародья к любимому царю затмили эгоизм высших сословий: “Не народ подчинял выше его стоявшим сословиям свою безэтикетную простоту, а все высшие сословия подчинялись народной сердечной простоте в излиянии своих чувств”.⁵¹ На трогательную картину единения царя с народом автор не мог смотреть без слёз.

На фоне провинциальной России, где жил народ “чистый сердцем и ясно верящий”, Санкт-Петербург рисовался прямо Содомом и Гоморрой. Столица полнилась “лестью, ложью, клеветой, интригой”, в Санкт-Петербурге “как и 300 лет назад (вероятно, употреблено для красоты слога в целях сравнения со Смутным временем. Санкт-Петербург во время написания статьи насчитывал лишь 210 лет существования – С.П.) шумят страсти тысячей “я”, забывающих Россию, чтобы помнить только себя и служить себе и своим прихотям”.⁵² Николаю II поэтому рекомендовалось прислушаться к голосу народа, который устами Мещерского говорил следующее: “Не верь жаждущим предвосхищать Твою власть и предрешать Твою волю, не верь силе смуты и не бойся её, как не убоялся её Твой Родоначальник, – верь только в Себя, как сильного Божьей благодатью и силою твоего народа”.⁵³ Если принять во внимание дату проявления народолюбия князем-журналистом, то становится понятно, что им велась усиленная подготовка почвы для путча, попытку которого с согласия Николая II предпринял в октябре 1913 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков, пытавшийся распустить Думу, пока премьер-министр В. Н. Коковцов был за границей. Только единодушный протест правительства сорвал переворот.⁵⁴

В более ранний период своего увлечения “Гражданином”, в начале 1900-х годов, Государь, помимо “Дневников”, всегда с удовольствием читал еще и другую постоянную рубрику Мещерского – “Речи консерватора”.⁵⁵ Ее содержание, впрочем, оставалось примерно всё то же –

---

⁵¹ Дневники. 18 мая. // Гражданин. 19 мая. 1913. С. 17.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См.: G. Hosking. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma. 1907-1914. Cambridge, UK., 1973. P. 202-203.

⁵⁵ Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В. П. Мещерского. Письмо Николая II В. П. Мещерскому от 16 июля 1902 г.

противопоставление городской, т. е. в интерпретации Мещерского бюрократической, либеральной, интеллигентской “псевдо-России” и сельской, православной, преданной царю Руси. В России, сокрушался автор, “стало как бы две России”, страна “городских оазисов” и другая – “здорового смысла”; первая жила “теориями Западной Европы”, зато вторая стремилась крепнуть в своих оригинальных началах.⁵⁶ Населены они были “людьми совершенно друг другу чуждыми” и даже противоположными в их отношении к добру и злу. “Крестьянская Россия за Христа, либеральная Россия гонит Его.” Будучи враждебной народу, либеральная Россия стремилась “вести других по пути нового закабаления народа капитализму и еврейству, имея конечной целью поглощение того и другого путём революции”.⁵⁷ Последний парадокс автор оставил без объяснений. По Мещерскому, вся надежда народа была, как и встарь, лишь на царя. Не утруждаясь обзором исторических деталей, Мещерский сразу обобщал: “Цари русские, хотя окружённые во все времена антирусским средостением, именуемым интеллигенцией, оставались, тем не менее, верными выразителями и отражением народного духа”.⁵⁸

Интересно, что, как указывает последний пассаж, острие критики “Гражданина” направлялось не на интеллигенцию в привычном понимании слова, но на царскую бюрократию. Здесь лежал, несомненно, огромный резерв для популистских сентенций. Любимые Николаем II дневники от 9 июля 1902 г. были направлены прямо против царских чиновников. “Чиновнический бюрократизм” объявлялся “главным врагом русского народа”. Более того, чиновники, оказывается, были прямо заинтересованы в конституции, ибо тогда “ещё легче будет угнетать народ под гнётом своего деспотизма”.⁵⁹ Нестандартность взгляда Мещерского заключалась в том, что он кругом видел союз и взаимодействие бюрократов с дворянами-либералами, ведь и та и другая силы были направлены против самодержавия и русского народа, и считал закономерным, что все “либеральные разрушительные стремления” находили сочувствие “чиновнического бюрократизма”.⁶⁰ Тезис о том, что Николая II

⁵⁶ Речи консерватора. // Гражданин. 4 апреля 1902 г. С. 4.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Дневники. 9 июля. // Гражданин. 18 июля 1902. С. 17.

⁶⁰ Там же.

окружают чиновники-враги, повторялся и в других, получивших одобрение царя публикациях “Гражданина”.⁶¹

Князь Мещерский нашел верный путь расположить к себе Государя. Начав со спекуляций на чувствах сына к отцу и прославляя Александра III, его царствование, преемственность политики отца и сына,⁶² он затем нащупал популистскую антибюрократическую струну в душе Николая II и стал нещадно демагогически её эксплуатировать, добывая себе новые субсидии из казны и протежируя своим любовникам.⁶³

Ненависть и презрение по отношению к В. П. Мещерскому были всеобщими, но особенно В. П. Мещерский возмущал сторонников самодержавия, видевших в близости царя к столь одиозной фигуре непоправимый ущерб престижу строя. К. П. Победоносцев, А. Н. Куропаткин, Е. В. Богданович были едины в признании необходимости покончить с В. П. Мещерским, но ничего поделать не могли. Николай II демонстрировал то же, что и позднее в эпопее с Распутиным, пренебрежение даже единодушными сторонними советами, что, как он считал, является полным правом самодержца. Поступая таким образом, однако, монарх отталкивал от себя даже правоверных монархистов. Самодержавный строй Николая II вступал в последнюю полосу кризиса.

Переписка с Мещерским позволяет увидеть, как далеко заходил Николай II в видении себя как народного царя-батюшки, противостоящего чиновничье-либеральному “средостению”. Сам самодержец, вероятно, и не подозревал, сколь опасную игру он вёл, выступая критиком сложившейся бюрократической системы управления, и сколь мощный революционный потенциал имели антибюрократические призывы князя. Восторгаясь статьями Мещерского, самодержец, собственно, выступал против основного элемента теории официальной народности – руководства просвещённой бюрократией тёмным народом. Идеалы царя не просто были направлены на консервацию сложившейся системы, но на возвращение вспять, в утопическое прошлое Святой Руси, что делало царя не консерватором, но правым революционером. Этот его потенциал, впрочем, остался нереализованным.

---

⁶¹ См.: Дневники // Гражданин. 28 февраля 1902. С. 27 и письмо Николая II В. П. Мещерскому от 22 марта 1902 г. // Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция В. П. Мещерского.

⁶² См.: Дневники // Гражданин. 28 февраля 1902. С. 27.

⁶³ См. об этом: В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. С. 375-381; С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3 С. 544-562. “Гражданин” получал ежегодную субсидию в 18 тысяч рублей. (W. E. Mosse. Imperial Favourite. P. 543).

“Чего не сможет совершить русский царь, держащий в своей руке 140 миллионов преданных ему сердец?” – говорил самодержец в марте 1904 года, имея в виду бесконечную преданность ему народа.⁶⁴ Проблема, однако, заключалась в том, как перевести этот красивый пассаж в сферу реальной политики, какие избрать методы политической мобилизации для укрепления и трансформации режима в желательном направлении. Здесь Николая II ожидало полное фиаско.

Реальным современным эффективным средством преодоления “средостения” между народом и царём, ограничения власти бюрократии, сплочения нации являлось народное представительство. Убеждённости в преданности простого народа царю была причиной принятия такого избирательного закона в Первую Думу, который обеспечивал крестьянам большинство.⁶⁵ Выборный закон, как писал в мемуарах С. Ю. Витте, носил “крестьянский характер. Тогда было признано, что держава может положиться только на крестьянство, которое по традиции верно самодержавию. Царь и народ!”⁶⁶ Решающее слово здесь, разумеется, было за Николаем II, и он не только одобрил ставку на крестьянство, будучи убеждён в его лояльности и враждебности западническим идеалам конституции, но, когда разгорелся спор по поводу допуска к выборам неграмотных крестьян, даже заявил, что предпочитает их грамотным, поскольку неграмотные обладали, как он считал, более “цельным мировоззрением”.⁶⁷

Однако уже открытие Думы подтвердило самые худшие опасения. Веками ожидавшаяся встреча самодержца с избранниками земли русской вместо преданности и любви обнаружила со стороны последних едва ли не противоположные чувства. Приём депутатов 27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце был задуман в русском национальном стиле. Придворным дамам было велено явиться в русском платье.⁶⁸ Александра Фёдоровна и члены императорской семьи вышли в нарядах старорусского стиля, богато украшенных драгоценностями, что, вероятно, вызвало у депутатов, из которых не каждый мог позволить себе лиш-

⁶⁴ РГБ ОР. Ф. 126-А. А. Киреев. Картон 3604. Д. 13. Л. 5 об.

⁶⁵ См.: Государственная Дума в России в документах и материалах. М., 1956. С. 94-102.

⁶⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 3. С. 340-341.

⁶⁷ Цит по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 11.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 601, Оп.1. Д. 910. Церемония открытия заседаний Государственного Совета и Государственной Думы первого созыва.

нюю пару обуви, сложные чувства. В Георгиевский зал были внесены регалии царской власти. Митрополит Санкт-Петербургский Антоний отслужил молебен. Николай II произнёс тронную речь, которую он “сам сочинил”,⁶⁹ выразив надежду, что “лучшие люди” Руси будут отныне помогать ему править страной.

Реакция зала давала мало надежд на благожелательное сотрудничество. Американский посол был поражён тем, что многие депутаты, чей разношерстный непрезентабельный вид представлял разительный контраст с блеском царского двора, даже не ответили поклоном на поклон Его Величества, а остальные ограничились сдержанным кивком.⁷⁰ В. Н. Коковцов писал, что первые ряды в толпе депутатов заняла публика попроще, оттеснив немногочисленных представителей высших классов во фраках и сюртуках.

На первом месте выдвигалась фигура человека высокого роста, в рабочей блузе, в высоких смазных сапогах, с насмешливым и наглым видом рассматривавшего трон и всех, кто окружал его. Это был впоследствии снискавший себе громкую известность своими резкими выступлениями в Первой Думе Оникко, сыгравший потом видную роль в Кронштадтском восстании. Я просто не мог отвести моих глаз от него во время чтения Государем его речи, обращённой к вновь избранным депутатам Государственной Думы, – таким презрением и злобой дышало его наглое лицо. Моё впечатление было далеко не единичным. Около меня стоял новый министр внутренних дел П. А. Столыпин, который, обернувшись ко мне, сказал: “Мы с Вами, видимо, поглощены одним и тем же впечатлением, меня не оставляет даже всё время мысль о том, нет ли у этого человека бомбы и не произойдёт ли тут несчастье”.⁷¹

Точно эта же мысль, уже во время думских заседаний в Таврическом дворце, не оставляла и монархиста В. В. Шульгина, который за свой вопрос, возмущивший передовую просвещённую общественность и адресованный наполненному левыми залу “А нет ли, господа, у кого-нибудь из вас бомбы в кармане?” – был удалён на одно заседание.⁷²

---

⁶⁹ Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1662. П. А. Столыпин. Оп.1. Д. 231. Л. 84. Письмо Николая II П. А. Столыпину 29 апреля 1906 г.

⁷⁰ См.: G. Hosking. Russia: People and Empire. London, 1996. P. 424.

⁷¹ Цит. по: Марк Ферро. Николай II. М., 1991. С. 129.

⁷² Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчёты. Т. 1. Сессия 2. Ст. 1554, 1563.

Такой встречи с народом при дворе не ожидали. Николай II, привыкший к восторгам народа, был настолько потрясён, что едва ли не единственный раз лишился самообладания. После приёма Мария Фёдоровна застала своего сына в слезах, “глубоко сидящим в кресле и у его ног, на коленях, свою невестку, которая, глядя голову государя, повторяла: я всё это предвидела... предвидела... я говорила... Вдруг он сильно ударил кулаком по локотнику кресла и крикнул: я её создал и я её уничтожу... так будет. Верьте мне. И мой сын при этих словах перекрестился”.⁷³

Один из ведущих юристов той эпохи, внимательно следивший за думскими прениями С. Е. Крыжановский, писал о своих тяжёлых впечатлениях от работы народных избранников из крестьян: “Депутаты из мужиков и писарей в грязных косоворотках и длинных сапогах, невымытые и нечёсанные, быстро расхамевшие, все эти Аникины, Аладыны, были ужасны”.⁷⁴ П. А. Столыпин давал позднее уничтожающую оценку итогам эксперимента по единению царя с народом: “Один раз в истории России был употреблён такой приём, и государственный расчёт был построен на широких массах, без учёта их культурности – при выборах в первую Государственную Думу. Но карта эта, господа, была бита!”⁷⁵ В результате начиная с Третьей Думы, уже по модели Западной Европы, а не исходя из русской идеи союза народа с царём, в поисках поддержки взор власти был обращён к “культурным слоям” населения.

Роль политической организации верноподданного народа не удалось сыграть и правым партиям, прежде всего “Союзу Русского Народа”. В кризисной ситуации самодержец, как известно, благословил создание СРН. На приёме в Царском Селе 23 декабря 1905 года А. И. Дубровин поднёс царю и наследнику знаки членства в СРН, которые Николай II принял, просил передать благодарность всем русским людям, примкнувшим к СРН, особенно крестьянам, и призвал русский народ в трудный час к единению.⁷⁶ Однако Николай II с его патриархальным видением своей политической роли никогда не собирался заниматься партийной политикой. Сотрудничество царя с СРН и прочими монархическими организациями более носило характер взаимного ободре-

⁷³ Цит. по: Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 18.

⁷⁴ Цит. по: Падение царского режима. Т. 5. С. 399-400.

⁷⁵ Цит. по: Столыпин. Жизнь и смерть / Сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов, 1991. С. 379.

⁷⁶ Московские ведомости. 1906. № 12.

ния, чем осуществления политической программы. Она, собственно, и не была осуществима: черносотенцы могли требовать чего угодно, но без современной промышленности, интеллигенции, бюрократии было не обойтись, превратить инородцев в русских тоже не получалось. Самое главное, старомодный самодержец очевидно не видел себя в роли вождя политической партии русского народа или, тем более, кого-либо рядом с собой в подобном положении. Столь сильно нуждающееся в сильном харизматическом лидере движение имело в его лице сочувствующего, но достаточно индифферентного царя. Выражаясь фигурально, роман Николая II с чёрной сотней так и не перерос в брачный союз. Царь выслушивал советы верноподданных, сочувственно к ним относился, но не предпринял существенных шагов по организации или координации движения. Более того, попытки объединения раздробленных правых сил эффективно блокировались. Самодержец по идеологическим соображениям не мог допустить появления рядом с собой влиятельного “вождя русского народа”. Ещё осенью 1905 года Л. Тихомиров, рассуждая об объединении монархистов наподобие либерального Союза Союзов, признавал невозможность этого, пока “во главе правления такой человек”, — “царь всё разрушает и ничему не даёт созидаться”.⁷⁷ Не удивительно, что правые партии пришли к Февралю 1917 года в состоянии полного развала.⁷⁸ Взгляд Николая II на народ был взглядом царя-батюшки на любимых, но неразумных детей, мнения которых никто не спрашивал.⁷⁹ Его лозунгом могла бы быть любимая поговорка испанских королей восемнадцатого века — “всё для народа, ничего через народ”. Идеальный мир Николая II не знал политических партий.

В то же время делались некоторые попытки использовать современные методы пропаганды. Одобрённая царём его биография, выпущенная дешёвыми брошюрками “для народа”, рисовала императора “человеком из народа”, близким простому труженику, посещающим крестьянские избы, где он “кушает чёрный хлеб и пьёт молоко”, и самого усердным работником, работающим “за троих”.⁸⁰ Рабочим рассказы-

⁷⁷ Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 3 (40). С. 93.

⁷⁸ Ю. И. Кирьянов. Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001.

⁷⁹ См. об этом: Steinberg, Khrustalev. The Fall of the Romanovs. Pp. 18, 36; Генерал А. А. Мосолов. При дворе последнего императора. С. 178.

⁸⁰ А. Ельчанинов. Царствование Государя Императора Николая Александровича; Русский царь среди своего народа. СПб., 1904. Об этом см.: Ричард Уортман. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 126.

валось, что их царь даже “чрезвычайно искусен” в столярных работах. Также жена и дочери царя “постоянно работали” в своих дворцах в мастерских, “снабжавших одеждой бедняков Санкт-Петербурга”.⁸¹ О потрясающей роскоши имперского двора не говорилось ни слова, зато скромная бережливость самодержца не знала границ: “Карандаши, например, Он обыкновенно исписывает до конца и только уже последние остатки отдаёт на забаву Своему Августейшему Сыну”.⁸²

Николаю II роль народного царя, несмотря на его искреннее желание, давалась нелегко. Разрыв между идеей крестьянского царя и сложившейся практикой и ритуалами имперского двора был слишком очевиден.⁸³ Вопреки стараниям авторов, писавших для народа, всем было ясно, что Николай II жил в восхитительных дворцах, а не в избушке, окружён был знатью, а не мужиками, роскошь русского двора превосходила самое необузданное воображение, хотя царь, возможно, и в самом деле “исписывал свои карандаши до конца”; Николай II играл с придворными в теннис, катался на собственных яхтах, его любовницей в юности была звезда русского балета, отнюдь не пейзажистка, а женой стала немецкая принцесса, с которой он разговаривал по-английски, а не “царица-матушка”. Для того, чтобы милый сердцу Николая II миф крестьянского царя примирить с реальностью имперской России начала XX века, необходимы были радикальные изменения, и не только ритуальной стороны царского правления. Подобные попытки время от времени предпринимались,⁸⁴ и не только пропагандистского свойства, но и чисто практического.

На протяжении веков в имперской России русское крестьянство находилось в наиболее ущемлённом, незавидном положении не только в сравнении с имперской знатью, но даже в сопоставлении с крестьянством нерусских областей, с населением национальных окраин.⁸⁵ В риторике Николая II постоянно звучала тема о том, насколько ему

---

⁸¹ А. Ельчанинов, Е. Богданович. Царствование Государя Императора Николая Александровича. Очерк для рабочих. С. 15, 16.

⁸² Там же. С. 9.

⁸³ См.: Ричард Уортман. Николай II и образ самодержавия. С. 119-128.

⁸⁴ Подробно см.: R. Wortman. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in the Russian Monarchy. Vol. 2. Princeton, 2000.

⁸⁵ А. Kappeler. Russlands erste Nationalitäten Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln-Wien, 1982; Б. Миронов. Социальная история России периода империи. Т. 1. СПб., 1999. С. 37.

близки народные нужды,⁸⁶ даже дворянам царь заявлял: “Меня наиболее заботит вопрос об устройстве крестьянского быта и облегчении земельной нужды трудового крестьянства...”⁸⁷ При этом самодержец ревниво относился к своим патерналистским полномочиям. На рекомендации Государственного Совета, который до Манифеста 1905 г. обладал лишь совещательным голосом, отменить право волостных судов приговаривать крестьян к телесным наказаниям, Николай II в 1900 г. с несвойственной ему резкостью написал: “Это будет тогда, когда я этого захочу”.⁸⁸ Телесные наказания для крестьян были отменены, но “по инициативе” самого царя. Наиболее яркий шаг навстречу крестьянским требованиям Николай II совершил, отменив выкупные платежи за земли, полученные крестьянами по реформе 1861 года: в честь рождения наследника Алексея с крестьян было списано 500 млн. рублей недоимок, манифест 3 ноября 1906 г. уменьшил выкупные платежи за этот год наполовину, в 1907 г. они были совсем отменены. Это была беспрецедентная мера, давшая пропаганде основание говорить о том, что “ни один из русских императоров не оказал в короткое время столько доверия, забот и любви к своему народу, как Государь император Николай II Александрович”.⁸⁹ Другие действия подобного рода были не менее широки, но остались почти не оценёнными и впоследствии забытыми. Император совершенно безвозмездно, например, пожертвовал крестьянам–переселенцам великолепные огромные алтайские земли.⁹⁰

Однако было совершенно очевидно, что мер паллиативного характера, пусть даже таких существенных, явно недостаточно, чтобы немедленно удовлетворить аграрные вожеления крестьянства. Там, где сами крестьяне получали возможность высказаться, яркий пример чего представляют провинциальные отделы “Союза Русского Народа”, там сразу начинали звучать призывы куда более радикального свойства. Волынский губернатор М. Мельников совершенно обоснованно указы-

---

⁸⁶ См.: Steinberg, Khrustalev. The Fall of the Romanovs. P. 19.

⁸⁷ Правительственный вестник. 4 февраля 1906.

⁸⁸ В. И. Гурко. Царь и царица. С. 39.

⁸⁹ А. Ельчанинов, Е. Богданович. Царствование Государя Императора Николая Александровича. С. 26; см. так же: Что дал император Николай II русскому народу. Издание для народа и войска. СПб., 1906; Новые царские милости русскому народу. Высочайший манифест 11 августа 1904 г. М., 1904.

⁹⁰ См.: И. И. Тхоржевский. Последний Петербург. Воспоминания Камергера. СПб., 2000. С. 117.

вал митрополиту Антонию Волынскому, под чьим покровительством расцвели черносотенные крестьянские организации на юго-западе, что ими “ведётся проповедь о чёрном переделе, грабеже.”⁹¹ “Крестьяне говорили, – докладывало также Подольское жандармское управление, – в книгах С.Р.Н. написано, что Царь давно желает крестьянам землю отдать, но помещики не позволяют, а вот когда крестьяне соединятся в С.Р.Н., окажут Царю помощь, то и земля будет наша”.⁹² К Николаю II летели со всей страны челобитные от черносотенных организаций, просящие царя наделить крестьян землёй, не принимая во внимание мнение “господской думы” и окружающего самодержца “средостения”.⁹³

Перед царём стоял критический выбор. Симпатии самодержца к крестьянству были известны. Главной своей задачей Николай II считал “облегчение земельной нужды трудового крестьянства”.⁹⁴ Его призыв к переделу земли в пользу крестьян поднял бы крестьянскую революцию, а его самого сделал бы революционером-популистом. Это был неизбежный результат попытки перевести миф крестьянского царя-батюшки в реальную плоскость. Однако Николай II сделал исключительно ясный и твёрдый выбор не в пользу националистического популизма, а в защиту частной земельной собственности и, соответственно, консервативного “порядка”. Если учитывать пресловутую переменчивость и неопределённость позиции самодержца, бросается в глаза, насколько постоянной и недвусмысленной была его линия в защиту частной собственности. В 1905-1906 годах проекты экспроприации помещичьих земель стояли на повестке дня. В этот поворотный момент Николай II сказал своё решающее слово. Принимая 18 января 1906 г. депутацию крестьян Курской губернии, царь недвусмысленно

⁹¹ Центральный Государственный Исторический Архив Украины (ЦГИА Украины). Ф. 442. Канцелярия Киевского, Подольского и Волынского Генерал-Губернатора. Оп. 861. Д. 315. О вредном направлении газеты “Почаевский листок”. Л. 41.

⁹² Там же. Оп. 864. Д. 715. О розыске и аресте лиц, занимающихся агитацией крестьян к вступлению в СРН, непризнанию земства и неуплате земских сборов. Л. 16 об.

⁹³ См. напр.: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 11. Николаю II. Постановления съезда уполномоченных отделов СРН Волынской и смежных губерний. Л. 1; Там же. Оп. 1. Д. 1061. Телеграммы Николаю II от черносотенных организаций по поводу роспуска Первой Государственной думы. Л. 66 (Телеграмма от Казанского царсконародного общества.)

⁹⁴ D. Lieven. P. 128.

заявил: “Всякое право собственности неприкосновенно... Иначе не может быть, и тут спора быть не может... повторяю, помните всегда, что **право собственности свято** (подчёркнуто мной – С.П.) и должно быть неприкосновенно”.⁹⁵ Самодержец лично положил конец горячим дебатам в правительстве по поводу частичной экспроприации помещичьих земель. На проекте министра земледелия Н. Н. Кутлера, предусматривающем подобную меру и предложенном царю С. Ю. Витте, Николай II оставил резолюцию, похоронившую проект: “Частная собственность должна (подчёркнуто Николаем II) остаться неприкосновенной”.⁹⁶ В своих гарантиях прав собственности для подданных Российской короны Николай II, как отметил Джоффри Хоскинг, пошёл “намного дальше” предыдущих монархов.⁹⁷ Определивший в анкете свой статус как “хозяин земли русской”, Николай II в реальности ставил крест на патриархальном вотчинном государстве: “хозяевами русской земли” утверждались частные владельцы.

Строгая позиция Николая II в защиту частной собственности может быть объяснена совершенно резонными прагматическими соображениями, которым монарх, склонный к иррациональному мистицизму, отдавал предпочтение далеко не всегда. П. А. Столыпин в своей блестящей думской речи доказал, что путь аграрного передела ведёт в никуда, секрет решения вопроса – в повышении культуры земледелия, аграрный вопрос невозможно было “разрешить”, его можно было только “разрешать”.⁹⁸ Вряд ли надо объяснять к тому же, что с политической точки зрения ставка на крестьян взамен проверенной практики опоры на дворянское сословие была столь рискованным и радикальным шагом, что предугадать его последствия не представлялось возможным. Однако мифу “народного царя” своей однозначной защитой помещиков Николай II наносил смертельный удар.

Последовательным шагом к укреплению института частной собственности, развитию индивидуализма и, в целом, капиталистической модернизации была столыпинская политика разрушения крестьянской общины. Николай II не только согласился со столыпинской программой, разрушавшей патриархальный аграрный строй, но и всячески подчёр-

---

⁹⁵ Правительственный Вестник. 1906. 20 января.

⁹⁶ Николай II в 1905 году // Красный архив. 1925. № 11-12. С. 438.

⁹⁷ G. Hosking. Russia: People and Empire. P. 429.

⁹⁸ П. А. Столыпин. Речи в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911. Нью-Йорк, 1990. С. 67-76.

кивал, что это главная задача его правительства, призывал П. А. Столыпина сосредоточиться на аграрной реформе “в первую голову”.⁹⁹ Царь на практике не просто вёл страну в сторону, противоположную допетровской Руси, не просто рушил устои крестьянской жизни, но и поддерживал откровенно провозглашённую П. А. Столыпиным “ставку на сильных”, опору на наиболее дееспособный слой крестьянства, расслоение деревни, что взрывало идею о царе-батюшке – защитнике слабых. Из крестьянского царя-батюшки Николай II превращался в “царя кулаков”. Парадоксально, но обстоятельства времени, в которое правил Николай II, привели к тому, что царь – убеждённый консерватор, с ностальгическими симпатиями к патриархальной Руси, оказался в роли скорее радикального модернизатора, а не “народного монарха” – популиста.

Складывающаяся в начале века ситуация требовала национального лидера нового, более современного образца. Однако представить себе Николая II, распинающегося перед толпой рабочих и крестьян на балконе Зимнего дворца, зная его характер и взгляды, было невозможно. Он мог прислушиваться к пожеланиям Распутина или кого угодно ещё, кого он считал истинным представителем народа, и затем в тишине покоев Царскосельского дворца решать, как ему поступить, но эффективные современные способы создания популярности, которые наверняка имели бы отклик, учитывая всё ещё стойкий монархизм широких слоёв населения, были последнему монарху чужды. Николай II оказывался не в состоянии обеспечить политический курс, который бы соответствовал его сентиментальной привязанности к крестьянству и русской старине, напротив, модернизаторские усилия С. Ю. Витте и затем П. А. Столыпина взрывали патриархальные отношения и ложились тяжёлым бременем на беднейшие слои крестьян. Симпатии царя к народу проявлялись, главным образом, на уровне жестов и чувств, они обнадёживали либо провоцировали популистских монархистов на выступление, однако их требования радикальных политических изменений оставались без ответа, либо следовал окрик от той самой бюрократии, которую недолюбливал, но на которую продолжал опираться в силу традиции царь.

Старые политические опоры слабели, а новые не появлялись. Всё, в чём реально выражалось единение царя с народом при Николае II,

⁹⁹ Письмо Николая II П. А. Столыпину от 22 сентября 1910 г. // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 121-122.

были бурные, несомненно искренние, восторги толпы при появлениях монарха. Нет, однако, как хорошо известно из истории, ничего более непостоянного, чем чувства толпы. В феврале 1917 г. она разлилась по улицам Петрограда, и именно её ненависть к монархии стала решающим фактором, сокрушившим династию. Когда через полтора года было получено известие о расстреле большевиками Николая II, его бывший опальный премьер В. Н. Коковцов и его знакомые из старого петербургского общества, скорбя о трагическом известии, были шокированы реакцией “народа”:

На всех, кого мне приходилось видеть в Петрограде, это известие произвело ошеломляющее впечатление: одни просто не поверили, другие молча плакали, большинство просто тупо молчало. Но на толпу, на то, что принято называть “народом” – эта весть произвела впечатление, которого я не ожидал.

В день напечатания известия я был два раза на улице, ездил в трамвае и нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читалось громко, с усмешками, издевательствами и самыми безжалостными комментариями... Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: “давно бы так”, “ну-ка – поцарствуй ещё”, “крышка Николашке”, “эх, брат Романов, доплясался”, – слышались кругом, от самой юной молодёжи, а старшие либо отворачивались, либо безучастно молчали. Видно было, что каждый боится не то кулачной расправы, не то застенка.¹⁰⁰

Трагическая несправедливость ситуации заключалась в том, что сам Николай II, ставший объектом народной ненависти, на протяжении всей своей жизни крайне идеализировал русский народ. В этом последний император резко разошёлся и с идеологами официальной народности, такими как М. Погодин, полагавшими, что русский народ, несмотря на положительные задатки, “низок” и “скотен”, и с консерваторами типа К. П. Победоносцева, видевшими в народе невежественных дикарей, если не хуже. С. Е. Крыжановский один раз застал Государя за чтением книги Ролионова “Наше преступление” о деревенском хулиганстве. Хулиганство деревенской молодёжи в предреволюционное время стало притчей во языцех, отражая падение авторитета церкви и старшего

---

¹⁰⁰ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого. С. 531. Сам Коковцов, считая своим долгом утвердить доброе имя погибшего царя, стал в эмиграции Председателем Совета Союза Ревнителей Памяти Императора Николая II.

поколения.¹⁰¹ Когда Крыжановский поинтересовался впечатлениями Николая II о прочитанном, то царь ответил, что он этому не верит, а автор “просто не любит народа”.¹⁰²

Последний император так и не смог преодолеть противоречий между самодержавием и национализмом. Тот тип национализма, которому сочувствовал Николай II, тянулся к крайним правым, находя опору в низших необразованных слоях общества. Он строился, как говорил С. Ю. Витте, всецело “не на разуме, а на страстях”, стремился вернуть Россию в мифическую допетровскую эпоху, отличался крайней ксенофобией и выражал вековую ненависть русского крестьянства к образованным “чужеродным” классам. Он обрушивался на традиционный бюрократический строй, во главе которого стоял самодержец, так и не сумевший достичь политического единства со своим любимым народом, миную бюрократическое средостение.

SUMMARY

In his article Sergei Podbolotov explores the politics and doctrine of the last Russian emperor, Nicholas II, in the context of the history of Russian nationalism. Podbolotov situates the dynastic nationalism of Nicholas II in the continuum of the Russian dynasty's reaction to the challenge of modernity and modern nationalism, which brought about a hybrid version of *völkisch* ideology, Romanticism, and monarchism. The author analyzes the relationship among the monarchy, bureaucracy, Russian educated society, and rightwing nationalist parties at the beginning of the twentieth century and traces Nicholas II's peculiar perception of power and nationhood and its influence on political reforms at the beginning of the 20th century. Podbolotov argues that the last Russian monarch faced the dilemma of balancing between the pattern of the popular peasant father-tsar and the modern role of the monarch in governing the empire. Nicholas II's inability to resolve this dilemma serves as an explanation of the particularly devastating political crisis at the end of his rule.

---

¹⁰¹ См. об этом: С. Л. Фирсов. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. С. 55-70.

¹⁰² С. Е. Крыжановский. Император Николай II. Бахметьевский архив Колумбийского университета. Коллекция С. Е. Крыжановского. С. 24.